

07

На правах рукописи

Евент.

003471924

АНТИПКИНА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

**ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ ИНВЕРСИИ
УТОПИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ КОНЦА XX ВЕКА**

специальность 24.00.01 – Теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Саранск 2009

03 ИЮН 2009

**Работа выполнена на кафедре культурологии
ГОУВПО «Мордовский государственный университет
имени Н. П. Огарева»**

Научный руководитель: доктор философских наук профессор
Марина Васильевна Логинова

Официальные оппоненты: доктор философских наук профессор
Наталья Ивановна Учайкина

кандидат философских наук доцент
Ирина Николаевна Пронина

Ведущая организация: **Филиал ГОУВПО «Волго-Вятская
академия государственной службы
в г. Саранске РМ»**

Защита состоится «24» июня 2009 г. в 11.30 часов на заседании диссертационного совета Д 212.117.10 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора философских наук, доктора культурологии и доктора искусствоведения при Мордовском государственном университете им. Н. П. Огарева по адресу: 430005, г. Саранск, пр. Ленина, д. 15, ауд. 301.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. М. Бахтина Мордовского государственного университета.

Автореферат размещен на сайте Мордовского государственного университета www.mrsu.ru « 19 » мая 2009 г.

Автореферат разослан « 22 » мая 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук
доцент

Ю. В. Кузнецова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Современное человеческое сообщество претерпевает кризис, суть которого – в кардинальной трансформации духовного мира, сопровождающийся множеством деструктивных, центробежных тенденций. Создаются благоприятные условия для пробуждения утопических надежд на простое и радикальное обновление всех социальных структур, разрешение сложных противоречий в общественном сознании. Философский анализ утопии и утопического сознания в культуре является своеобразной попыткой осознать традиционные идеологические системы через комплекс ценностей, возникающих в начале третьего тысячелетия. Постоянное возвращение к утопическому творчеству свидетельствует о том, что оно является неотъемлемой частью человеческой природы, отвечает на познавательные и эмоциональные потребности человека, может проявляться во всех сферах его деятельности – в науке, политике, искусстве. В связи с этим обращение к исследованию специфики утопического сознания и его различных проявлений является актуальным и своевременным.

Исследование утопии в рамках философских, культурологических, социологических и политологических концепций всегда было одним из основных средств анализа социальной реальности и выработки обществом адекватного отношения к окружающей его действительности, а также правил действия в ней. Возникло направление гуманитарных исследований – утопиология, что свидетельствует о постоянном интересе к проблеме утопического сознания. Таким образом, вопрос о взаимосвязи утопических проектов и духовного потенциала общества поставлен самой действительностью. Настоящая работа направлена на постижение сущности феномена утопии, инверсии утопического пространства-времени в современной культуре, выявление связи между кризисной ситуацией в обществе и популяризацией утопической тематики в киноискусстве.

Актуальность диссертационной работы обусловлена тем, что феномен утопии и утопического сознания в современной культуре анализируется на материале одного из самых популярных и специфических для современности видов искусства – кинематографа. Наряду с такими формами массовой коммуникации как телевидение и Интернет, кинематограф играет важную роль в процессе визуализации культуры конца XX в. Кино с большей наглядностью, чем какое-либо другое искусство, отражает и выражает духовную жизнь людей, образ и сущность социального бытия. Киноискусство способно создать посредством визуализации мир утопии, имеющий особое значение для человеческой психики в период кризиса (например, катарсис). Диссертант сосредотачивает свое внимание на анализе полнометражных игровых кинокартин конца XX в., которые отвечают критериям отображения утопического сознания в киноискусстве. В отдельных случаях привлекаются более ранние кинопроизведения. Несомненно, художественная ценность выбранных для анализа фильмов неодинакова, однако основное внимание автор уделял произведениям, наиболее ярко представляющим, по его мнению, феномен утопии и имеющим определенную значимость для развития художественной культуры конца XX в.

Степень научной разработанности проблемы. Комплексный, междисциплинарный характер темы диссертации, включающей не только культурологические, но и философские, социологические, психологические, политологические вопросы, потребовал освоения широкого круга источников. Логика данного исследования имеет два смысловых центра, исходя из которых всю литературу можно разделить на два блока: во-первых, работы, посвященные анализу феномена утопии в культуре; во-вторых, исследования, раскрывающие специфику киноискусства в контексте утопического дискурса.

Потребность в изучении утопии и утопического сознания в рамках отечественной культуры обусловлена как имманентными причинами, связанными с особенностями развития современной гуманитаристики, так и той культурной ситуацией, которая характерна для современной России.

На протяжении столетий между философами велась дискуссия относительно сущности утопии и принципов ее формирования, также обсуждались способы практической реализации утопических проектов. Следует отметить, что данный феномен как в отечественной, так и в зарубежной литературе рассматривается в онтологическом, гносеологическом, аксиологическом, социально-философском и других аспектах и раскрывается далеко не однозначно.

Первая попытка научного осмысления феномена утопии и утопического сознания была осуществлена в работах зарубежных исследователей рубежа XIX–XX вв. А. Кирхенгейма, А. Свентховского и А. Фойгта. Значимость данных работ заключается в том, что в них осмысление утопии представлялось в исторической ретроспективе.

Существенный вклад в разработку феномена утопии внесли Э. А. Араб-Оглы, Э. Я. Баталов, С. П. Батракова, А. И. Володин, С. С. Кирвель, А. И. Клибанов, И. Н. Неманов, С. С. Сизов, В. А. Чаликова, В. П. Шестаков и др. Проблемы русской утопической мысли неоднократно поднимались в трудах И. В. Бестужева-Лады, Р. А. Гальцевой, В. А. Малинина, П. Я. Мирошниченко, Г. М. Пономарева, Н. И. Учайкиной, К. В. Чистова и др.

Значительный объем материалов, посвященных изучению утопии, в настоящее время также дали переводы и публикации работ крупнейших зарубежных исследователей М. Вебера, К. Мангейма, У. Морриса, Л. Мэмфорда, О. Тоффлера, П. Тейяра де Шардена, Е. Шацкого, Э. Блоха и др.

В работах, направленных на исследование феномена утопии и утопического сознания, на настоящий момент можно выделить несколько подходов.

Культурологический подход позволяет рассмотреть утопию как социокультурную модель в контексте других артефактов культуры, является действенным и при анализе утопического сознания. Данный подход способствует выявлению корреляции утопии с мифологическим, художественным, религиозным типами сознания (работы Ф. Аинсы, А. Морсона, А. Петруччани и В. Д. Бакулова, И. В. Беспаловой, И. Ю. Иванюшиной, Б. А. Ланина, Л. А. Мясникова, Т. С. Паниотова, Г. М. Пономаревой, Н. И. Учайкиной, В. А. Чаликовой, В. П. Шестакова и др.).

В рамках философско-социологического подхода утопия рассматривается как выражение критики существующей идеологии и социологии знания

(А. Свентоховский, А. Фойгт и Т. А. Акиндинова, М. К. Арипов, А. В. Барбасов, Э. Я. Баталов, А. Валицкий, Б. А. Ланин, О. Н. Николенко, В. В. Святловский, Г. Д. Сысоев, Г. В. Флоровский, И. В. Фролова, В. П. Шестаков, С. А. Шишулькин, С. А. Экштут и др.).

Историко-генетический подход сочетается с культурологическим, исследует генезис и историческую эволюцию утопии, акцентирует специфику конкретно-исторической ментальности (труды Н. Н. Арсентьевой, А. Н. Воробьевой, В. П. Волгина, В. А. Гуторова, В. А. Дунаевского, Б. Ф. Егоров, И. А. Маравалья, В. И. Мильдона, О. Н. Николаенко, Т. С. Стяжкиной и др.).

Психоаналитический подход представлен двумя типами исследовательских методик: 1) по фрейдистскому типу утопия в целом и утопическое сознание, в частности, исследуется через призму «бессознательного», заложенного в человеческой природе (работы Д. Блейча, Б. Кука, Ю. Хабермаса, Г. С. Батыгина, и др.); 2) по юнгианскому типу утопия рассматривается как секулярное проявление «сакральных архетипов» (М. Элиаде), нашедших отражение в структуре художественного текста (исследования Э. Ноймана, К. Юнга, Ю. Л. Латыгиной, Н. Д. Пахсарьян, О. М. Фрейденберг и др.).

Классический литературоведческий анализ характеризуется осмыслением поэтики утопии в аспекте жанрового своеобразия, художественного метода, проблематики и авторской концепции произведений. В рамках этого подхода представляется целесообразным выделить три направления. Во-первых, изучение утопии и ее разновидностей как жанров фантастики – социальной или научной (работы Л. Геллера, Е. П. Брандис, А. Ф. Бритикова, Ю. И. Кагарлицкого, В. А. Ревич, В. П. Шестакова и др.). Во-вторых, экстраполяция утопической модели мира на современную ему кризисную действительность (Э. Я. Баталов, Р. А. Гальцева, М. Н. Золотонос, Вл. И. Новиков, И. Б. Роднянская и др.). В-третьих, взаимоотношение утопии и антиутопии, заключающееся в анализе поэтики антиутопии в сравнении с утопией (работы Н. Н. Арсентьевой, О. В. Быстровой, А. Н. Воробьева, Д. Е. Казанчиева, А. Ф. Любимовой, Н. Г. Медведевой, О. Н. Николаенко, О. А. Павловой, А. А. Файзрахмановой, Л. М. Юрьевой и др.).

Значительный блок литературы, содержащий материалы, осмысленные при подготовке диссертации, посвящен киноискусству. Авторская концепция базировалась на фундаментальных трудах Р. Арнхейма, Е. Вейцмана, С. А. Бабушкина, И. В. Вайсфельда, Л. С. Выготского, П. С. Гуревича, А. Д. Трахтенберга, А. В. Федорова, Ю. У. Фохт-Бабушкина, В. Б. Шкловского, С. М. Эйзенштейна и др. Специфику и место кинематографа в культуре рассматривали А. Базен, Р. Барт, Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, С. Жижек, П. Тейяр де Шарден, М. Фуко и Ю. М. Лотман, М. В. Ямпольский и др.

Большой интерес представляет сборник «Фантастическое кино. Эпизод первый», посвященный фантастике и фантастическому как кинематографическому явлению и состоящий из переводных статей зарубежных (англоязычных) авторов (С. Бьюкатман, Ф. Джеймисон, Б. Кит Грант, Б. Крид, Б. Лэндон, В. Собчак, К. Фридман, В. Шетли, Т. Эльзесер и др.). Также в сборник вошли работы российских философов, социологов, культурологов (О. В. Аронсон,

Т. Ю. Дашкова, С. Н. Зенкин, В. А. Подорога, Б. Е. Степанов, Н. А. Хренов и др.).

Труды отечественных (М. М. Бахтин, Е. Я. Бурлина, Н. И. Воронина, А. А. Гагаев, М. В. Логинова и др.) и зарубежных (Н. А. Носов, Ф. де Соссюр, Э. Тоффлер, О. Хавзен-Леве и др.) философов, эстетиков, культурологов и исследователей современной культуры и искусства способствовали определению общетеоретических научно-исследовательских установок автора.

Таким образом, проблема утопии в современном научном мире достаточно разработана, но исследователи, говоря об этом феномене, чаще рассматривают утопию как литературный жанр или социологическую модель, редко затрагивая его культурологический аспект. Степень разработанности проблемы киноискусства также является значительной, но научное поле, касающееся киноутопии как сегмента утопического дискурса и культурфилософской проблемы, отсутствует и в западной, и в отечественной науке.

В основе научной гипотезы исследования лежит предположение, что феномен утопии имеет большое распространение в современной культуре, но к концу XX в. претерпевает ряд пространственно-временных инверсий и получает распространение в кинематографе как виде искусства, наиболее органичном для компенсации физической реальности через воплощение в нем архетипов «коллективного бессознательного» питающих и продуцирующих утопическое сознание. Данные причины обусловили выбор объекта и предмета работы, перечень задач, которые решаются в настоящем диссертационном исследовании.

Объектом диссертационного исследования является феномен утопии, рассматриваемый в качестве самостоятельной культурфилософской проблемы. Предметом исследования выступает инверсия утопического пространства-времени в художественной культуре конца XX в.

Цель исследования – раскрыть содержание и специфику бытия утопии и ее инвариантов в художественной культуре конца XX в. Реализация данной цели предполагает решение следующих исследовательских задач:

- 1) выявить особенности определения утопии в аспекте синхронии и диахронии;
- 2) исследовать корреляционные связи утопического сознания;
- 3) определить структурно-функциональные особенности утопии;
- 4) проанализировать инверсии хронотопа утопического сознания;
- 5) обосновать существование инвариантов утопии, характерных для художественной культуры конца XX в.

Теоретико-методологическая основа исследования. Утопическому сознанию свойственна системность, способствующая интеграции исследовательского материала, накопленного различными науками. Анализ утопии позволяет выявить воздействие на ее генезис и функционирование религиозных, философских, социологических, нравственных доминант, архетипов и мифов массового сознания. В методологическом плане исследование феномена утопии и утопического сознания в современной науке следует проводить в рамках комплексного подхода, синтезирующего культурологические, литературоведческие, социологические, когнитивные методики анализа. Указанный подход позволит наиболее полно рассмотреть феномен утопии как целостной системы и допол-

нить его онтологическими и гносеологическими исследованиями в культурфилософском русле.

В качестве центральных методов исследования выступают:

- *интегративный*, позволяющий использовать данные различных областей гуманитарного знания применительно к решению задач, поставленных в настоящем исследовании;

- *сравнительно-исторический*, способствующий выявлению динамики исторического развития утопического мышления в аспекте синхронии и диахронии;

- *аналитический*, применяющийся для обоснования понятия «утопия», а также определения роли категорий «пространство» и «время» в современном утопическом сознании. Данный метод используется при выявлении инвариантов модели утопии в современном кинематографе;

- *компаративный*, помогающий изучению особенностей объектов исследования на основе сопоставления их характеристик;

- *историко-типологический* и *культурно-типологический*, подразумевающие теоретические обобщения, связанные с выделением сущностных уникальных и типических признаков модели утопии;

- *интерпретационный*, дающий возможность понимания феномена киноутопии в культуре конца XX в.

Научная новизна исследования заключается в том, что оно посвящено изучению проблем, связанных с определением места, роли и функционирования утопии, а также ее инвариантов в киноискусстве конца XX в. В ходе их разработки были получены следующие принципиально новые результаты:

- рассмотрена сущность утопии в аспекте синхронии и диахронии;

- показаны особенности корреляции утопии не только по отношению к мифу и художественному сознанию, но и к актуальным для современной культуры феноменам виртуальности, кинофантастики;

- обосновано положение о специфике трансформации утопического хронотопа;

- предложена авторская типология утопии, критерием которой является специфика ее воплощения в реальной действительности;

- выявлены культурфилософские и мировоззренческие основы существования инвариантов утопии в киноискусстве конца XX в., обоснованы выполняемые ими функции в современном общественном сознании, а также проанализированы архетипы «коллективного бессознательного», проявившиеся в искусстве кино.

Комплексное исследование позволило сформулировать ряд **основных положений диссертации, выносимых на защиту**:

1. Формирование утопий есть закономерная ступень в развитии культуры. Обоснована сущность феномена утопии в аспекте синхронии (построение теоретической модели, определение взаимосвязи терминов «утопия», «утопический», «утопизм» и «утопическое мышление») и в аспекте диахронии (выявление инвариантов утопии, характерных для конца XX в.).

2. Принцип «полифонического» существования утопического сознания состоит в том, что утопия, являясь неотъемлемым элементом культуры, имеет корреляционные связи со многими формами общественного сознания (мифоло-

гическим, религиозным, художественным, политическим и др.) и генетически восходит к архетипам «коллективного бессознательного», которые служат исходным материалом для построения утопических проектов развития человечества. В кинематографе конца XX в. имеют место инварианты негативной утопии, причиной популяризации которых, по мнению автора, являются: во-первых, актуальность кризисной ситуации общества; во-вторых, взаимодействие с виртуальностью и кинофантастикой.

3. Проблема типологии утопий в гуманитаристике решается в зависимости от конкретных целей и субъективных предпочтений исследователя. Особенно популярны в период кризисной ситуации такие типы утопий, в которых происходит экзистенциальное бегство от неустраивающей реальности. Основываясь на специфике воплощения в действительности, диссертант предлагает типологию утопий, включающую *утопии-проекты* (существуют только в виде теоретических проектов, получивших отражение в науке, литературе и политике) и *утопии-проекции* (существуют как визуальное и предметное «осуществление» утопии не в будущем, а теперь, немедленно). Им присущи общие функции (компенсаторная, критическая, моделирующая, когнитивная, познавательная и др.), широко представленные в современном киноискусстве в жанре кинофантастики.

4. Термин «хронотоп», введенный в качестве дефиниции для утопии, акцентирует особенности ее инверсии в современной художественной культуре. Эволюция утопии в общем виде представляет движение от пространственной утопии к временной, или так называемой ухронии (u-chronos). В XX веке процесс трансформации утопии идет по линии психологизации, преобладающей моделью становится эупсихия (eu-psyche), основа которой заключается в боязни потерять личность. Она локализуется на уровне человеческого сознания и предельно субъективируется в период кризисной ситуации в духовной культуре.

5. Существование инвариантов утопии в киноискусстве конца XX в. обосновано функциями, выполняемыми им в современном общественном сознании, в частности, компенсаторной, которая проявляется в экзистенциальном бегстве человека от угнетающей и неустраивающей реальности. Диссертант подчеркивает, что в результате трансформации пространства-времени утопии на первый план выходит ее негативный инвариант. Автор выявляет признаки антиутопии: а) характерные (пространственная изолированность, вневременность, всеобщая регламентация, урбанизм); б) специфические (неидеальное общество; форма критики направлена одновременно против чрезмерных ожиданий и чудовищных проявлений социальности; счастье недостижимо; присутствие единоличной власти, для свободы личности нет места; всеобщая унификация; мир дан через чувства одного обитателя).

Теоретическая и практическая значимость исследования определяется тем, что оно призвано восполнить пробел, который существует в философском осмыслении специфики киноутопий. Результаты исследования позволяют расширить представления об утопическом сознании, о способах его актуализации в современной культуре и закладывают основы его культурфилософского рассмотрения на материале киноискусства. В диссертации обосновано понимание утопии как социокультурного феномена. Полученные при этом результаты мо-

гут использоваться при создании концепций утопического, при распознавании утопического элемента и прогнозировании социокультурно значимых реакций на них в тех или иных политических инициативах и реформах. Результаты данной работы актуальны при изучении инвариантов утопии, встречающихся в жанре кинофантастики. Материалы диссертации получили подтверждение в выступлениях и научных сообщениях автора, а также широко использовались при разработке вузовских курсов по истории философии, культурологии, теории и истории культуры и киноискусства, при подготовке спецкурсов для студентов и аспирантов, специализирующихся в области культурологии, а также в работе методологических семинаров вуза.

Апробация работы. Основные теоретические положения и выводы исследования изложены автором в публикациях и выступлениях на международных конференциях: XXIII финно-угорская студенческая конференция «IFUSCO-2007» (Саранск, 2007), IV философско-культурологический симпозиум «Человек в мире культуры: вызовы современности» (Рязань, 2007); всероссийских: XIX конференция студентов, аспирантов, докторантов «Майские чтения» (Пермь, 2007), научно-практическая конференция «Эффективные модели и методы государственного и муниципального управления» (Саранск, 2007), научная конференция «Искусство в современном мире» (Саранск, 2007), научно-практическая конференция «Саранские философские чтения» (Саранск, 2006–2008); внутривузовских: материалы аспирантского семинара «DISCURSUS» (2006–2008), конференция молодых ученых, аспирантов и студентов Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, Огаревские чтения и др. Фундаментальные положения работы отражены в статьях, опубликованных в ведущих рецензируемых научных журналах: «Вестник МГУКИ» (Москва, 2008) и «Вестник Томского государственного университета» (Томск, 2009).

Структура и объем исследования. Структура диссертации обусловлена целью, задачами и логикой исследования. Работа изложена на 175 страницах и состоит из введения, двух глав (шесть параграфов), заключения, библиографического списка, включающего 239 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, выясняется степень ее научной разработанности, выявляются объект и предмет, формулируются цель и задачи, методологическая основа и научная новизна, определяются основные положения, выносимые на защиту, а также теоретическая и практическая значимость работы.

Первая глава «Смыслополагание утопического сознания» содержит анализ феномена утопии, ее структурно-функциональных особенностей и состоит из трех параграфов. В первом – «Проблема дефиниции утопии в аспекте синхронии и диахронии» автор констатирует, что утопия относится к числу тех культурных феноменов, которые сопровождают всю историю человечества. Она особенно актуализируется и наглядно проявляется в философии, культуре, политике в условиях обострения противоречий между действитель-

ным и возможным, какими их представляет себе субъект. Это происходит в переломные, кризисные периоды, когда индивиды, наделенные обостренной социальной чувствительностью и вдохновляемые преодолевшей отчаяние надеждой, испытывают потребность «подняться над временем» и изменить своей волей естественный ход истории. В современной научной литературе в содержательном и понятийном планах феномен утопии остается предметом острых дискуссий и подвергается различным, изменяющимся от эпохи к эпохе интерпретациям. Для упорядочения определений утопии автор систематизирует ее наиболее типичные дефиниции: утопия-мечта (А. Свентоховский, А. Фойгт и др.), утопия-видение / эксперимент (М. Вебер, О. Ю. Максименко, Э. Мах, В. П. Шестаков, Г. М. Пономарева и др.), утопия-проект, конструкт или модель (Ф. Аинса, Э. А. Араб-Оглы, Э. Я. Баталов, Ю. И. Кагарлицкий, Б. А. Ланин, О. А. Матвейчев, Н. И. Учайкина, В. А. Чаликова и др.).

Используя метод лингвиста Ф. де Соссюра, предложенный им для анализа языка, диссертант рассматривает феномен утопии в аспекте синхронии и диахронии¹. В рамках *синхронного подхода*, проявляющегося в формах простых парных отношений, таких, как одновременность, контемпоральность, совпадение, тождество во времени, определяется содержание утопии. Раскрыть сущность утопии автору позволяет определение устойчивых черт ее модели. В современной науке наиболее подробно данные характеристики отражены испанским исследователем Ф. Аинса, включившим следующие компоненты: пространственная изолированность, вневременность, автаркия, урбанизм². В рамках данного подхода рассматриваются сосуществование и взаимозависимость таких терминов, как «утопия», «утопический», «утопизм» и «утопическое мышление (сознание)».

В аспекте диахронии, как формы проявления повторяемости, рассматривается существование и развитие феномена утопии во времени и определяются его исторические модификации: антиутопия, дистопия, какотопия, практопия и др. Наибольшее распространение в современной кризисной ситуации получила антиутопия, встречающаяся не только в литературе, но и в кинофантастике. В рамках традиционной интерпретации утопия и антиутопия рассматриваются как две различные модели (социоцентричность утопии и персоналистичность антиутопии; статичность, бесконфликтность, описательность, бессобытийность, риторическая диалогичность утопии и авантюрно-психологическая динамичность антиутопии). Сторонники нетрадиционной интерпретации считают, что антиутопия явилась логическим продолжением развития утопии, имманентно ей присуща, зародилась в ее недрах и обладает свойствами локальности, замкнутости, изолированности пространства мира, окостенелости социальной структуры, ее строгой иерархичности и унифицирующего подхода к членам «единого государства», ритуализации жизни.

Наряду с антиутопией выделяется негативная утопия: *дистопия* (модель тоталитарного мира), *какотопия* (модель абсурдного хаотичного мира-катастрофы). Негативная утопия как изображение нежелательного, больного мира,

¹ Соссюр, Ф. Труды по языкознанию. М., 1977. 478 с.

² Аинса, Ф. Реконструкция утопии. М., 1999. С. 23–27.

может выступать в качестве *контрутопии* (настроенность на полемическую волну). Во второй половине XX в. получают активное развитие и другие модификации: *эупсихия* (модель идеального психического мира), *практиопия* (модель более практичного и благоприятного, в отличие от существующего, мира) и *экоутопия* (модель, рисующая гармоническое сосуществование человека с миром природы).

На рубеже XX–XXI вв. из-за многозначности и «полифоничности» утопия становится «вариантной, как сама жизнь» (Ф. Э. Манюэль), поэтому ее формы проявления разнообразны: так, в рамках одного произведения можно обнаружить элементы дистопии, эупсихии, экоутопии и т. д.

Учет диахронного аспекта рассмотрения культурной динамики утопии проявил ее зависимость от мифа, религии, науки, идеологии, поэтому во **втором параграфе «"Полифоничность" корреляционных связей утопического сознания»** их взаимодействие исследуется синхронно. Выбор, сделанный в пользу мифа, художественного сознания, виртуальности и фантастики, обусловливается логикой исследования, а также актуальностью данных форм сознания в современной культуре.

Рассматривая корреляционные связи утопии и мифа, диссертант выявляет значение архетипов коллективного бессознательного, получивших распространение не только в утопической литературе, но и в политике, науке и киноискусстве. В частности, выделяются пространственные архетипы (мифопоэтическая модель мира), архетип катастроф, архетип хаоса, упорядочивающегося через насилие, архетип героя-спасителя, который противопоставляется коллективному «мы». Также автором определяются наиболее характерные архетипы, проявившиеся в киноискусстве в конце XX в. (архетип острова, архетип границы, архетип катастрофы, архетип героя-спасителя и др.). Наличие в утопии нескольких архетипов, сформировавшихся первоначально в русле мифа, и ряд других сходств с ним (вневременное бытие человека, отсутствие исторического времени и др.) дают основание утверждать, что миф обретает в утопии новое, «превращенное» существование.

Автор акцентирует внимание на проблеме взаимопроникновения в современной культуре утопии и виртуальной реальности, *позволяющих человеку уйти от неустраивающей его действительности*, осуществляя при этом критическую, познавательную, прогностическую, компенсаторную функции. Уход в мир как виртуальной, так и утопической реальности возникает тогда, когда окружающая действительность кажется как никогда удручающей. Утопический мир, в отличие от виртуального, опирается прежде всего на *идеал*, служащий основанием для критики действительности и утверждения проекта светлого будущего. Виртуальная реальность – это воображаемый мир, который не просто воспроизводит реальность, но преобразует ее за счет интерактивного изменения существующих свойств: изменчивости формы, размера, соотношения части и целого, движения между различными уровнями структуры и т. п., вывода человеческого представление за рамки повседневного опыта. В отличие от создателей виртуальной реальности, *утописты не могут полностью абстрагироваться от своего времени*, хотя очень к этому стремятся. Характерными признака-

ми, объединяющими утопию и виртуальную реальность, являются *трансцендентность* и *процесс моделирования*, рассматриваемые как метод использования скрытых ресурсов сознания.

В третьем параграфе «Структурно-функциональные особенности утопии» автор анализирует основные типологии, функции, формы артикуляции и сферы проявления утопии в обществе. Особое внимание обращается на новые черты, которые утопия обрела в нынешнем столетии. Важное место в исследовании занимает проблема влияния утопии на социально-культурную жизнь общества и обратного воздействия последней на утопическое сознание.

По мнению диссертанта, наличие большого количества типологий объясняется различными факторами: типом господствующей социальности, исторической ситуацией и авторской позицией создателя утопии или утопиолога. Исходя из специфики *воплощения в реальной действительности*, диссертант предлагает типологию утопий, в которой они делятся на две группы: *утопии-проекты* и *утопии-проекции*. К первой группе относятся утопии, которые существуют только в виде теоретических проектов, получивших свое отражение в науке, литературе и политике. Наряду с изображением и описанием идеальной цели они содержат более или менее развитое обоснование способа ее достижения. Различие этих способов определяет характер утопических программ (собственно социальные, социально-эстетические, социально-политические и т. д.). Ко второй группе относятся утопии-проекции, получившие воплощение в таких видах искусства, как живопись, архитектура, киноискусство, музыка, а также телевидение и Интернет с его продуктом – виртуальной реальностью.. Они предстают как визуальное и предметное «осуществление» утопии не в будущем, а теперь, немедленно и получают наибольшую популярность в конце XX в.

В период современного духовного кризиса, переживаемого мировым сообществом, в качестве ведущей функции, выполняемой утопией в общественном сознании, выступает *компенсаторная*. Совершая экзистенциальное бегство в мир мечты и иллюзии, вселяя надежду на возможность социальной гармонии и конструируя идеальные миры, создавая эффект их иллюзорной реализации, утопия компенсирует человеку дефицит высших ценностей в современном мире. Также диссертант выделяет познавательную, критическую, моделирующую, когнитивную (прогностическую) функции (последняя проявляется чаще всего в форме антиутопии). Все перечисленные функции взяты в системном единстве, определяют сущность утопического сознания и находят проявление в киноискусстве. В зависимости от конкретных исторических условий и задач, которые ставит перед собой утопист, приоритет той или иной функции может изменяться. Но утопия имманентно включает в себя все перечисленные функции.

Выяснив сущность и специфику утопического сознания, автор анализирует особенности инверсии утопии в художественной культуре на материале киноискусства. Этому посвящена **вторая глава «Инвариантность утопического хронотопа в современной художественной культуре»**, включающая три параграфа. В первом параграфе «Пространство-время как сущностный концепт модели утопии» диссертант обосновывает важность категорий «пространство» и «время» в становлении утопического сознания. В качестве дефиниции для утопии автор

использует термин «хронотоп», получивший широкое распространение в литературоведении, а затем в эстетике благодаря трудам М. М. Бахтина³.

Локализация утопии во времени или в пространстве предполагает создание качественно отличной реальности. Иной, альтернативный мир являет собой критический противобораз реальности, данной «здесь и теперь», которую утопия стремится изменить, чтобы исправить ее несправедливое устройство. Следовательно, утопия всегда дуалистична в той мере, в какой она создает и представляет противобораз, другую реальность – существующую, бывшую в прошлом или возможную в будущем.

Автор подчеркивает, что классические утопии являются прежде всего пространственными (описание счастливого «где-то», какого-нибудь блаженного пространства), содержащими ряд опорных символов: «пространственная прерывность», «переход» или «граница», которые имеют двойственное значение (разделение «своего» и «чужого», их преодоление). В отношении утопического пространства прерывность обретает качественное содержание, в котором географической удаленности и большого расстояния еще недостаточно. Онтологическое совершенство, к которому стремится утопия, должно быть реализовано на определенной территории – в «земле обетованной», всегда отличной от того, что мы имеем «здесь и сейчас».

Пространством постоянного эксперимента для утопии является *остров*, определенный диссертантом как архетип и имеющий важное значение в современном киноискусстве. «Остров совмещает в себе черты реального и ментального мира. С одной стороны, остров – вполне реальное место, куда можно добраться, хотя бы и с трудностями и даже с риском кораблекрушения. С другой стороны, остров – особенно отдаленный, заброшенный в просторах теплых океанов – место не вполне реальное: там царит какое-то иное устройство жизни – или вообще без людей и, следовательно, попавший туда европеец может и воображать и устраивать себе жизнь по своему идеальному проекту, или с туземцами, людьми нетронутыми европейской цивилизацией»⁴. Исследователь Т. В. Цивьян подчеркивает, что интерес к острову в последнее время особенно заметен, и в этом смысле можно говорить о формировании корпуса островных текстов, который постоянно охватывает новые семиотические территории⁵. Этот особый текст развивается благодаря тому, что остров как мифопоэтическая универсалия обладает определенным динамическим потенциалом. Примерами пространственных утопий служат: «Утопия» Т. Мора, которая дала название жанру и явила собой многократно воспроизводившийся впоследствии образец⁶, «Город Солнца» Т. Кампанеллы, «Описание Христианополитанской Республики» И. Андреа, «Новая Атлантида» Ф. Бэкона, «Иной свет» С. де Бержерака, «Подземный мир» А. Кирхера, «Микромегас» Вольтера, «Путешествие в Икарию» Э. Кабе и др.⁷

Наряду с пространственными утопиями, которым присуща циклическая

³ Бахтин М. М. *Формы времени и хронотопа в романе* // Литературно-критические статьи. – М., 1986. С. 121–290.

⁴ Степанов Ю. С. *Константы: Словарь русской культуры*. М., 2004. С. 227.

⁵ Цивьян Т. В. *Модель мира и ее лингвистические основы* / Т. В. Цивьян. – М., 2005. С. 234.

⁶ Мор Т. *Утопия*. М., 1978. 415 с.

⁷ *Утопический роман XVI – XVII вв.* М., 1971. 496 с.

временная структура, или *ахрония* (отсутствие времени), формируются утопии с определенным временем (*ухронии*), главным признаком которых является стадийность – структурное расчленение на необходимую последовательность фаз. В связи с этим выделяются две основные формы временной утопии: «деградативный», или «ретроспективный» тип (обращенный назад), исходящий из идеального первобытного состояния, после которого наступают разные стадии ухудшения; «прогрессистский», или «проспективный» (ориентированный на будущее) тип, проектирующий в будущее модели «золотого века». Примерами данной разновидности утопий являются: «Год 2440» Л. Мерсье, «Год 2000» Р. де Ла Бретонна, «В 2000 году» Э. Беллами и др.

В XX веке осуществляется трансформация категорий «пространство» и «время» в рамках утопического дискурса. В результате эволюция утопии идет по линии психологизации, влияющей на становление такой модификации, как *эпсихия*, предопределенной современной кризисной ситуацией в духовной культуре. В ней утопия локализуется на уровне человеческого сознания, в переживании и настроении, предельно субъективируется. Ее доминанту составляет идея сохранения самооценки личности и это определяет негативное отношение к равенству как унификации и обезличиванию. Теперь утопия лишена какого-либо расположения в пространстве или во времени.

Второй параграф «Проблема взаимопроникновения научной фантастики в художественную литературу и киноутопию» посвящен раскрытию трансформации утопического пространства-времени в кинотексте (рассмотренном в аспекте диахронии) и выявлению распространенных в современности негативных инвариантов утопии – таких, как антиутопия (дистопия), какотопия и др. Киноискусство в современной кризисной ситуации выполняет функцию «катарсиса человеческой психики» (М. И. Жабский), «реабилитации физической реальности» (З. Кракауэр) или «реабилитацией архетипической реальности» (Н. А. Хренов). Автор приходит к выводу о способности кино моделировать многослойность и многоуровневость культуры и устанавливать контакты со своей публикой на разных уровнях, соответствующих уровням культуры, при осмыслении отношений между кино и литературой. Взаимопроникновение утопии и кинофантастики определило специфику существования *киноутопии*, которая заключается в том, чтобы *не видеть реальности*. В кризисные периоды данный жанр используется для того, чтобы отвлечь человека не от реальной жизни с ее частными и общественными неприятностями, но от собственных защитных механизмов против этой реальности. Автор выявляет социокультурную миссию киноутопии, заключающуюся в том, чтобы демонстрировать и драматизировать неспособность вообразить будущее. Кинотекстом, подтверждающим данное утверждение, является фильм «Эффект бабочки» (режиссеры Эрик Бресс, Дж. Мэкки Груббер; 2004).

В киноискусстве рубежа XX–XXI вв. из-за ухудшения экономического климата и трансформации общественного сознания появляется целый ряд произведений, в которых областью фантазии становится близкое смоделированное будущее, но не идеальное, а кошмарное (проблемы путешествий во времени и пространстве; встречи с роботами, чужаками (контакты с инопланетными цивилиза-

циями); развитие физических и психических возможностей человека, противостояние людей и машин). Появляется огромное количество произведений, более близких дистопии, нежели утопии: *«Шоу Трумэна»* (Уир Питер; 1998); *«Матрица»* (Л. и Э. Вачовски; 1999); *«Эквилибриум»* (Курт Виммер; 2002), *«Особое мнение»* (Стивен Спилберг; 2002); *«Код 46»* (Майкл Уинтерботтом; 2003), *«Остров»* (Майкл Бэй; 2005), *«V значит вендетта»* (Джеймс Мактиг; 2006), *«Дитя человеческое»* (Альфонсо Куарон; 2006) и др.

В третьем параграфе «Современная кинофантастика: инверсии утопии» автор выделяет приоритетную форму существования утопии в кинематографе: остров-государство (город), претерпевающий процесс трансформации утопического пространства-времени. Поэтический образ города конституирует свой нарративный контекст. Он порождает, объединяет, конденсирует, воплощает, «бередит» и трансформирует тот сложно устроенный текст, частью которого в конечном итоге является. В то же самое время поэтический образ сам открыт для трансформаций в ходе семиотической и аффективной работы, которую он выполняет, корректируя системы репрезентации и нарратива, согласовывая требования, предъявляемые культурой и психикой друг к другу. Метафорический резонанс образа города порождает и структурирует не только дискретные миры конкретных текстов, к которым принадлежат эти образы, но и широкий исторический нарратив, где драматизируется меняющийся характер американского города и аффективное воздействие этих изменений на человека.

С течением времени все утопические города, фигурирующие в фантастических фильмах и литературных произведениях, претерпевают необычайные пространственно-временные метаморфозы: от города-утопии как «извечного идеала» («парящий в воздухе») – к городу-антиутопии как «пустынному кладбищу» («душающий», испытывающий «нехватку воздуха».)

В последние годы фантастическое кино, полностью осознавая своеобразие своих интенций и художественных приемов, эмигрировало в сопредельный жанр фэнтези и создало множество вариаций на тему маленького городка-Эдема, альтернативы лишенному корней мегаполису. Впрочем, эти городки только кажутся более благоприятной средой для обитания. В таких параноидальных фантазиях, как *«Шоу Трумэна»* (1998) или *«Плезантвилль»* (1998), маленький город – вовсе не убежище от урбанистических кошмаров фантастики. Он лишь более светлая ипостась того же, по сути, негостепримного пространства: на место бессвязности фантастического города приходит строгая, регулируемая сценарием упорядоченность, а головокружительная безграничность втиснута в узкие, герметичные рамки телеэкрана.

Особенности трансформации утопического пространства-времени в киноискусстве конца XX в. рассматриваются на примере анализа фильма *«Эквилибриум»*. Диссертант приходит к выводу о том, что в отмеченный период главенствующую роль занимают негативные инварианты утопии. *«Эквилибриум»*, который является типичным примером антиутопии в кино с характерными чертами: *пространственная изолированность, вневременность, всеобщая регламентация, урбанизм*. Кроме того, выявляются особенности антиутопии: изображение вымышленного, не идеального общества, призванного вызывать не восхище-

ние, как в утопиях, а ужас, не привлекать, а отпугивать; описание трезвого, рационального взгляда на утопические идеалы (оспаривается то, что создано утопиями без опоры на реальность); использование фантастики с целью дискредитации мира, выявление его нелогичности, абсурдности, враждебности человеку (этим же целям служат сатира, гротеск, парадоксы).

В **заключении** диссертационного исследования формулируются основные выводы, намечаются проблемы и перспективы изучения феномена утопии как культурфилософской проблемы.

В результате исследования пространственно-временной инверсии утопии в художественной культуре на материале зарубежного киноискусства автор приходит к выводу о том, что в современном обществе большее значение приобретает инвариант антиутопии. Для него характерно предельное противопоставление мира должного миру сущего. Такая форма теоретизирования исторически обусловлена кризисным состоянием общества, в котором обострились социальные и культурные противоречия.

Основные положения и выводы диссертации получили отражение в следующих публикациях автора:

Ведущие рецензируемые научные журналы:

1. Антипкина, Е. Н. Трансформация хронотопа М. М. Бахтина в утопическом сознании / Е. Н. Антипкина // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств. – 2008. – № 6 (27). – С. 89–92.
2. Антипкина, Е. Н. Виртуализация утопического сознания в современном киноискусстве: на примере фильма Л. и Э. Вачовски «Матрица» / Е. Н. Антипкина // Вестник Томск. гос. ун-та. – 2009. – № 318. – С. 86–89.

Научные статьи, тезисы, выступления:

3. Антипкина, Е. Н. Виртуальная реальность или утопия / Е. Н. Антипкина // Феникс–2006 : ежегод. каф. культурологии. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2006. – С. 206–207.
4. Антипкина, Е. Н. Феномен утопии: альтернативные подходы / Е. Н. Антипкина // Гуманитарные исследования: традиции и инновации : сб. науч. тр. / Мордов. гос. ун-т им. Н.П. Огарева. – Саранск : Тип. «Крас. Окт.», 2006. – Вып. 2. – С. 168–169.
5. Антипкина, Е. Н. Утопическое мышление: проблема типологизации / Е. Н. Антипкина // DISCURSUS–VII : материалы аспирант. семинара. – Саранск, 2006. – С. 32–35.
6. Антипкина, Е. Н. Мифологическое и утопическое: проблема взаимосвязи / Е. Н. Антипкина // Эффективные модели и методы государственного и муниципального управления : материалы всерос. науч.-практ. конф. (Саранск, 17 мая 2007 г.). – Саранск, 2007. – С. 131–135.
7. Антипкина, Е. Н. Динамика развития утопического мышления в современной культуре / Е. Н. Антипкина // XXXV Огаревские чтения : материалы науч. конф. : в 2 ч. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2007. – Ч. 1. – С. 158.

8. Антипкина, Е. Н. Город-утопия как локус идеального мира / Е. Н. Антипкина // Материалы XII науч. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов Мордов. гос. ун-та им. Н. П. Огарева : в 2 ч. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2007. – Ч. 1. – С. 162–163.
9. Антипкина, Е. Н. В поиске новых ценностей / Е. Н. Антипкина // Всерос. науч.-практ. конф. «Третьи Саранские философские чтения». Русская философия в аксиологическом измерении (Саранск, 15–16 июня 2006 г.). – Саранск, 2007. – С. 163–165.
10. Антипкина, Е. Н. Проблема интерпретации психоанализа в Российской традиции / Е. Н. Антипкина, Н. В. Щербакова // Всероссийская научно-практическая конференция «Третьи Саранские философские чтения». Русская философия в аксиологическом измерении (Саранск, 15–16 июня 2006 г.). – Саранск, 2007. – С. 165–168.
11. Антипкина, Е. Н. Город-утопия как феномен культуры / Е. Н. Антипкина // Культурные миры большого города : материалы XIX конф. студентов, аспирантов, докторантов «Майские чтения». – Пермь, 2007. – С. 55–58.
12. Антипкина, Е. Н. Основные идеи антиутопии в современном киноискусстве (на примере фильма Л. и Э. Вачовски «Матрица») / Е. Н. Антипкина // Искусство в современном мире : материалы всерос. науч. конф. (Саранск, 21–22 нояб. 2007 г.) : в 2 ч. – Саранск : Тип. «Крас. Окт.», 2007. – Ч. 1. – С. 7–9.
13. Антипкина, Е. Н. Хронотоп как признак классической литературной утопии / Е. Н. Антипкина // Феникс–2007 : ежегод. каф. культурологии. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2007. – С. 190.
14. Антипкина, Е. Н. Язык – код презентации утопического сознания / Е. Н. Антипкина // DISCURSUS–VIII : материалы аспирант. семинара. – Саранск, 2007. – С. 21–23.
15. Антипкина, Е. Н. Признаки классической утопии как литературного жанра / Е. Н. Антипкина // Методология гуманитарного знания : регион. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию со дня рождения проф. В. И. Кемкина (Саранск, 18–19 мая 2007 г.) : в 3 ч. – Саранск, 2007. – Ч. 2. – С. 146–150.
16. Антипкина, Е. Н. Визуализация утопической мечты в сериалах / Е. Н. Антипкина // Феникс–2008 : ежегод. каф. культурологии. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2007. – С. 190.
17. Антипкина, Е. Н. Проблемы соотношения утопии и мифа в современной культуре / Е. Н. Антипкина // XXIII IFUSCO = XXIII Междунар. конф. финно-угорских студентов : материалы докл. : в 2 ч. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2008. – Ч. 1. – С. 283–286.
18. Антипкина, Е. Н. Функции утопического сознания: специфика и сущность / Е. Н. Антипкина // II Яушевские чтения : материалы респ. науч.-практ. конф. (Саранск, 23 апр. 2008 г.). – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2008. – С. 3–6.
19. Антипкина, Е. Н. Утопическое и виртуальное: проблема взаимосвязи / Е. Н. Антипкина // Материалы XIII науч. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов Мордов. гос. ун-та им. Н. П. Огарева : в 2 ч. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2008. – Ч. 1. – С. 206–207.

20. Антипкина, Е. Н. Общие признаки классической схемы утопии / Е. Н. Антипкина // XXXVI Огаревские чтения : материалы науч. конф. : в 3 ч. / Мордов. гос. ун-т им. Н. П. Огарева. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2008. – Ч. 1. – С. 212–213.

21. Антипкина, Е. Н. Трансформация утопических идей в отечественной утопологии: анализ источников / Е. Н. Антипкина // Всерос. науч.-практ. конф. «Четвертые Саранские философские чтения». Русская философия: историография, источниковедение, методология (Саранск, 13–14 сент. 2007 г.). – Саранск, 2008. – С. 222–225.

22. Антипкина, Е. Н. Проблема полифункциональности утопического сознания / Е. Н. Антипкина // Человек в мире культуры: вызовы современности : сб. ст. / Рязан. гос. ун-т им. С. А. Есенина. – Рязань : Рельеф-Принт, 2008. – С. 27–31.

23. Антипкина, Е. Н. Советская музыка: утопия доступности высокого искусства / Е. Н. Антипкина, Н. В. Щербакова // Всерос. науч.-практ. конф. «Пятое Саранское философские чтения». Современная историография русской философии: проблемы и перспективы (Саранск, 29–30 мая 2008 г.). – Саранск, 2009. – С. 188–190.

24. Антипкина, Е. Н. Корреляция пространства и времени в утопическом дискурсе / Е. Н. Антипкина // Всерос. науч.-практ. конф. «Пятое Саранское философские чтения». Современная историография русской философии: проблемы и перспективы (Саранск, 29–30 мая 2008 г.). – Саранск, 2009. – С. 183–188.

Подписано в печать 19.05.2009.

Объем 1,0 п. л. Тираж 100 экз. Заказ № 726.

Типография Издательства Мордовского университета
430005, г. Саранск, ул. Советская, 24

18 —